

В течение последних 10–15 лет Федор Иванович Рожанский периодически выступал в печати со статьями, посвященными типологически ориентированному описанию редупликации. Рецензируемая монография является ожидаемым итогом этих исследований, не только удобным для читателя (которому теперь нет необходимости искать отдельные публикации), но и позволяющим яснее увидеть результат.

Книга состоит из двух частей: теоретической и описательной. В первой части вводится используемая в работе терминология (определение редупликации и классификация ее разновидностей) и анализируются языковые функции редупликации (в основном на материале языков Западной Африки). Первая часть содержит также анализ понятия иконизма применительно к редупликации, места редупликации в общей системе (и в общей модели) языка и один относительно частный сюжет (развитие геминации в отрицательных местоимениях одного водского говора). Во второй части работы описывается редупликация в семи различных языках (пяти африканских, а также хакасском и марийском), каждому из которых посвящена отдельная небольшая глава.

За последние 30 лет появилось огромное количество англоязычных работ по редупликации. Как справедливо отмечает Ф.И. Рожанский (с. 13), эти исследования были посвящены преимущественно формальной стороне грамматической редупликации, тогда как функции и семантика редупликации, а также границы этого явления обсуждались сравнительно мало. Логично, что именно этим, сравнительно непопулярным, темам было уделено особое внимание в монографии. Но следует предупредить потенциального читателя, что данная монография не является теоретическим введением в изучение редупликации, она не содержит – даже реферативно – обзора существующих находок и проблем. Исследование Рожанского основано не столько на чтении специальных статей, сколько на трудоемком извлечении материала из словарей нескольких африканских языков и на опросе носителей. Теоретический инструментарий монографии ориентирован на удобство работы с конкретным использованным материалом. Практическая польза такого подхода очевидна; но в нашей рецензии мы остановимся и на том, какие теоретические проблемы при этом игнорируются.

Как и у любого традиционного понятия, у понятия редупликация есть очевидное ядро («общепризнанные случаи редупликации», о которых говорится на с. 33 монографии, – греческий перфект, турецкие интенсивные формы прилагательных) и разного рода периферия. Понятие «прототипа» Э. Рош, введенное в 1970-х годах, теоретически легализовало определения, основанные на ядерных случаях (редупликация – это такие-то случаи и отчасти также то, что на них похоже). Но полемизируя с мнением, будто «время точных определений прошло», во второй главе автор формулирует определение редупликации, которое бы в точности отражало объем изучаемого понятия (в духе формального моделирования 1960-х годов). Приводя ряд кратких определений редупликации (с. 14–17), автор отмечает, что они в той или иной степени сужают это понятие. Впрочем, «неполнота» процитированных определений имеет разную природу. В какой-то степени эта неполнота объясняется именно ориентацией на прототипические случаи. Правда, цитируемое определение В.А. Виноградова, вошедшее в Лингвистический энциклопедический словарь, согласно которому редупликация может состоять в «удвоении начального слога (...) или целого корня», настолько упрощает формальную типологию редупликации, что и не требует серьезной полемики. С другой стороны, исключение немотивированной редупликации из рассмотрения у И.А. Мельчука представляется совершенно необходимым в рамках принятой им модели (подробнее см. ниже).

Ф.И. Рожанский настаивает, что определение редупликации должно включать более чем однократный повтор, повтор отдельной фонемы и немотивированную редупликацию (т. е. лексемы, с формальной точки зрения содержащие повтор, но не соотносящиеся – по крайней мере, в данном языке – с лексемами без повтора). Действительно, трипликация – не очень распространенное, но сравнительно ясное явление, которое должно учитываться в базовых определениях. Менее очевидно включение в редупликацию повтора отдельных фонем, известного широкому кругу лингвистов по семитской геминации согласных. Такие явления полезно рассматривать в контексте редупликации, но возможны скорее как пограничный случай (см., например, работу [Zarka 2005] с точным названием «On the borderline of reduplication»). Наиболее ясным и консервативным решением кажется следующее: рассматривать геминацию и редупликацию как смежные явления, как частные случаи некоторого более общего понятия (например, «операции копирования»). Именно такое решение используется, например, в недавней статье [Udoh 2007], в которой

анализируются сходные функции определенной разновидности геминации («fortition») и редупликации в языке легтбо (кроссриверская группа).

С теоретической точки зрения наименее ясен вопрос о немотивированной редупликации. Точка зрения И.А. Мельчука, упомянутая выше, выражена вполне эксплицитно: формы вида ХХ, которые нельзя связать регулярным отношением с формой вида Х, «с морфологической точки зрения интереса не представляют» [Мельчук 2000: 49]. Нет смысла критиковать конкретное определение, так как оно совершенно корректно в рамках принятой модели языка. Скорее исследователь редупликации вправе сделать вывод о том, что «морфологическая точка зрения» И.А. Мельчука ему неудобна, – отметим попутно, что для типологического исследования семантики редупликации едва ли приемлема точка зрения Мельчука, согласно которой редупликация, сопровождаемая аффиксацией, является «незначащей», см. [Мельчук 2000: 60]. Включая редуплицированные формы без мотивирующих нередуплицированных в круг привычных морфологических явлений, можно было бы назвать их частным случаем реализации связанных морфем. Такой взгляд оправдан прежде всего при случайной потере мотивирующей лексемы, о которой идет речь на с. 125. Однако для развитых систем «словарной» редупликации (как описанные в рецензируемой монографии африканские или описанные в монографии [Thun 1963] английская) случайными кажутся скорее случаи наличия «мотивирующих» лексем, чем их отсутствия.

Итоговое определение редупликации находится на с. 32 и содержит три пункта (приводим ключевые пункты без комментариев, которые преимущественно заключались в скобки): «Редупликацией называется языковой механизм, состоящий в однократном или многократном повторе слова или его части (...) и удовлетворяющий следующим условиям: 1. Этот повтор не является случайным (...) или рекурсивным (...), 2. Этот повтор имеет интерпретацию с семантической точки зрения (...), 3. Этот повтор происходит или на уровне слова, или на уровне предложения, но в последнем случае он не должен быть тривиальным (...)).» Приведенные формулировки не могут быть приняты без некоторых уточнений. Наиболее уязвимым является п. 2 (про наличие семантической интерпретации). Одно возможное уточнение предложено на с. 31 («этот критерий может применяться только к случаям мотивированной редупликации»), однако это уточнение скорее всего неверно (так как у немотивированной редупликации, как блестяще демонстрирует

сам автор, могут выделяться регулярные значения). По всей видимости, автор сам склоняется к тому, что это лишь дополнительное требование («не слишком функциональное»), – в этом случае его было бы правильнее убрать из определения, если подходить к определению действительно серьезно. Заметим, что обращение к семантике в определении редупликации скорее всего выводит за пределы этого понятия редупликацию в семантически «вырожденных» текстах, например, в восточнославянских фольклорных сочетаниях *коляда-моляда* (правая редупликация), *шуря-буря*, *шертъ-верть* (левая редупликация), про эти сочетания см. [Дурново 1902; Якобсон 1979: 343].

Ключевая формальная дилемма, связанная с редупликацией (операция или добавление морфемы с неполной фонетической спецификацией), была удостоена лишь подстрочного примечания на с. 138. Отметим, что второй подход, который упоминается как «заведомо провальный», характеризует абсолютное большинство американских работ по редупликации. Думается, что у такой аддитивной модели существуют проблемные места, однако отмахиваться от нее как от недоразумения довольно наивно.

Бросается в глаза тот факт, что автор исключает из определения редупликации какую-либо привязку к морфологии. Отчасти это объясняется тем, что автор считает неприемлемым строить определения на «прототипических» случаях. Более существенная причина заключается в таком представлении о редупликации, которое плохо вписывается в уровневую модель языка (о чем автор говорит на с. 117). Проблема связана прежде всего с авторской интерпретацией неполной редупликации. Под «неполной редупликацией» обычно понимают, грубо говоря, такие случаи, в которых редупликативная копия короче, «чем ожидалось бы», причем обычно предполагается, что исходный повторяемый сегмент является морфемой (корнем). В рецензируемой монографии понятие «неполной редупликации» упоминается на с. 35 как гипотетически возможное, но излишнее для анализируемого материала. Автор выбирает другое решение: в качестве основы, которая подвергается редупликации, могут выступать единицы любых уровней – лексема, морфема, слог, фонема. В рамках этого решения редупликация оказывается механизмом вне конкретного уровня. С нашей точки зрения, однако, это только видимость. Так, понятие «слоговая редупликация» определяется не в рамках слоговой, а в рамках морфологической структуры: например, часто редупликации подвергается именно первый слог корня. Таким образом, структурное описание такой редупликации все равно оказывается привязано к морфологии (с

этим, как представляется, согласуется и то, что пишет о слоговой редупликации автор на с. 37–39). Действительно ли необходимы оба уровня (морфологический и просодический) для описания некоторого подкласса редупликации? Известно, что копия часто может быть определена как слог, на что ориентировано описание редупликации в «просодической морфологии». Возможно, однако, слоговую редупликацию правильнее рассматривать как частный случай повтора некоторого фрагмента мотивирующей основы (заданной в морфологических терминах), причем фрагмент этот не обязательно является слогом. Слоговое членение может быть неочевидным или прямо противоречить слоговому определению редупликации (об этом пишет, в частности, Ю.Х. Сирк [Сирк 2008: 264], приводя пример из филиппинского языка илокано: *silid* ‘комната’ ~ *sil-silid* ‘комнаты’, где *sil* не является слогом в исходной словоформе). Любопытно, что и сам Ф.И. Рожанский для одного анализируемого случая вводит редупликацию последовательности меньшей, чем слог (примечание на с. 51). Укажем на основную теоретическую альтернативу подходу, принятому в монографии Рожанского. В работе [Marantz 1982] редупликация описывается как копирование материала основы, соответствующего шаблону типа CV, (C)CVC и т. п. (какие-то сегменты могут иметь также частичную фонемную спецификацию или же быть полностью специфицированными фонемами). На самом деле, такое описание (без каких-либо теоретических обобщений) присутствует и в «традиционных» грамматиках, и у самого Ф.И. Рожанского (с. 198). Заметим, что описание с помощью подобных шаблонов («скелетных морфов») позволяет не только взять нужный сегмент основы, не апеллируя к слоговому членению, но и извлечь из основы нетривиальный фонетический материал, не прибегая к дополнительным операциям. Например, редупликация в санскрите (*bambhramyate* ‘бродит туда и сюда’ от *bhram* ‘бродить’) в рамках этого формализма может быть описана как элементарная; если же усматривать тут слоговую редупликацию, явление становится неэлементарным: кроме собственно повтора, оно включает операцию модификации инициали. Очевидно, что описание санскритской редупликации как морфонологически элементарной (неразложимой на разные операции) необязательно является оптимальным (и логически безупречным) решением, но по крайней мере кажется изящной возможностью.

Формальной классификации редупликации посвящен третий раздел («Формы редупликации»). Как уже говорилось, автор монографии избегает противопоставления полной и не-

полной редупликации. Понятие неточной редупликации несколько неожиданно появляется на с. 35, но далее замещается на менее распространенный термин «д и в е р г е н ц и я» (с. 44). В монографии не вводится направление редупликации как независимый параметр; оно появляется на с. 47 лишь для описания неточной редупликации, причем автор использует относительно экзотические термины «регрессивная» и «прогрессивная» редупликация вместо более общепризнанных и прозрачных «левая» (англ. *leftward*) и «правая» (англ. *rightward*) – обычным терминам, как это принято в книге, находится место лишь в подстрочном примечании. Кроме того, не упоминается еще одна возможность позиционирования копии – инфиксальная редупликация (хотя автор и упоминает статью [Broselow, McCarthy 1984], специально посвященную этому необычному явлению).

На с. 47 автор отмечает следующую тенденцию: в редупликативной конструкции с «дивергенцией» гласных обычно первая часть содержит более узкий гласный, а вторая – более широкий. Заметим, что причины этой особенности, хорошо известной по европейским языкам, анализировались, в частности, в [Biese 1939; Thun 1963: 244; Minkova 2002]. Противоположная модель (с гласным [и] во втором слоге) известна из ряда тюркских языков, например непроизводные повторы в уйгурском (*вал-вул* ‘подражание блеску полированного металла’, *шалақ-шулуқ* ‘подражание плеску воды’ [Кайдаров 1958: 69–70]) и в узбекском (*шов-шув* ‘гомон’, *қасир-қусур* ‘треск’ [Кононов 1960: 138]).

На с. 56–59 автор рассматривает понятие «иконичности» применительно к редупликации. Думаю, полезно было бы упомянуть введенное Ч. Пирсом противопоставление «образной» (*imagic*) и диаграммной иконичности. Языковая иконичность чаще имеет диаграммную природу (см. прежде всего [Haiman 1985: 9 и сл.], те же мысли повторяются и в монографии [Hopper, Traugott 1993: 26], которую цитирует Ф.И. Рожанский). Одна из разновидностей иконической интерпретации (АА как «искажение» знака А) лучше всего подходит для неточной редупликации, особенно для значений вроде ‘Х и тому подобное’ с факультативным пейоративным компонентом, характерных для неточной редупликации вида ХХ’ в ряде языков Евразии, ср. казах. *жылкы* ‘лошадь’ ~ *жылкы-мылкы* ‘лошади и т. п.’. Следует отметить, что в некоторых языках документировано относительно независимое употребление неточной копии Х’ в значении ‘ненастоящий Х’, например, турецк. *Mtassen* ‘кто-то вроде Стассена’ [Lewis 1967: 237]. Иконизм формы *Mtassen* (как и конструкции *Stassen-Mtassen*)

не прямой (т. е. не «образный»), а основан на соотношении исходной формы *Stassen* и искаженной *Mtassen* – а это и есть типичный пример «диаграммного» иконизма.

Автор считает, что иконическую интерпретацию можно распространить почти на все случаи редупликации за счет усложнения понятия «иконический» (с. 238). Анализ такой возможности представляется, однако, недостаточно доказательным. В существующей литературе не без оснований доминирует другой подход: предполагается, что иконичность является обязательным компонентом лишь некоторых разновидностей повторов, например, трипликации [Blust 2001], «синтаксических повторов» [Gil 2002], а для обычной редупликации иконичность опциональна. В частности, едва ли автор убедит читателей, что редупликация, образующая отглагольные имена в африканских языках, может быть понята как иконическая (в каком бы то ни было разумном смысле этого термина).

Наблюдения над функционированием и семантикой редупликации в конкретных языках можно назвать, без сомнения, самой сильной стороной книги. Их нет нужды пересказывать – полезнее обратиться к самой монографии. Правда, изложение наблюдений следует подчас не вполне ясному плану. Так, на с. 69–70 проводится классификация словообразовательных типов редупликации, однако в сжатом виде содержательные утверждения об этих типах в обследованных африканских языках делаются только на с. 191 (при описании редупликации в канури).

Очень любопытно детальное исследование того, какие животные и растения обычно обозначаются в африканских языках редуплицированными формами. Этому исследованию, пожалуй, недостает лишь этимологического комментария. Некоторые факты, уже присутствующие в собранном материале, можно было бы подчеркнуть: например, наличие некоторых фонетически сходных названий в ряде языков (*menemene* ~ *minimini* ‘муравей’ в бамана, догон и нупе, *tolotolo* ‘индюк’ в нупе и були, *fofo* ‘овраг, место эрозии’ в киси и бамана) при несовпадении большинства других редуплицированных лексем, общность которых наблюдается только на структурном уровне. Вероятно, некоторые понятия, потенциально (по выделенным семантическим признакам) обозначаемые редупликацией, имеют унаследованные передупликативные обозначения и поэтому не попадают в эту лексическую подсистему. Очевидно, что полноценному исследованию этой области препятствует нынешнее состояние этимологических исследований языков Западной Африки.

Таким образом, следует сказать, что монография Ф.И. Рожанского имеет как сильные, так и слабые стороны и, пожалуй, не вполне соответствует своему обобщающему названию: она скорее представляет собой коллекцию заметок о редупликации. Однако эти заметки очень интересны, и знакомство с этими данными представляется весьма желательным как для специалистов по общей морфологии, так и для исследователей конкретных языков, описывающих редупликацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дурново 1902 – *Н.Н. Дурново*. Мелкие заметки по русской диалектологии. 4. Еще о парных словах // *ЖМНП*. 1902. VI.
- Кайдаров 1958 – *А. Кайдаров*. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
- Кононов 1960 – *А.Н. Кононов*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
- Мельчук 2000 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. III. М.; Вена, 2000.
- Сирк 2008 – *Ю.Х. Сирк*. Австронезийские языки. Введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.
- Якобсон 1979 – *Р. Якобсон*. Новейшая русская поэзия // *R. Jakobson. Selected writings*. V. The Hague; Paris; New York, 1979 (ср. также издание, где был изъят фольклорный текст с нецензурным словом: *Р. Якобсон. Работы по поэтике*. М., 1987).
- Biese 1939 – *Y.M. Biese*. Neuenglish tick-tack und Verwandtes // *Neuphilologische Mitteilungen*. V. 40. Helsinki, 1939.

- Blust 2001 – *R. Blust*. Thao Reduplication // *Oceanic linguistics*. 2002. V. 40. № 2.
- Broselow, McCarthy 1984 – *E. Broselow, J. McCarthy*. A theory of internal reduplication // *The linguistic review*. 1984. № 3.
- Gil 2002 – *D. Gil*. From repetition to reduplication in Riau Indonesian // *B. Hurch, V. Mattes (eds.)*. Studies on reduplication. Berlin; New York, 2005.
- Haiman 1985 – *J. Haiman*. Natural syntax. Iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Hopper, Traugott 1993 – *P.J. Hopper, E.C. Traugott*. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Lewis 1967 – *G.L. Lewis*. Turkish grammar. Oxford, 1967.
- Marantz 1982 – *A. Marantz*. Re Reduplication // *LIn*. 1982. V. 13. № 3.
- Minkova 2002 – *D. Minkova*. Ablaut reduplication in English: the criss-crossing of prosody and verbal art // *English language and linguistics*. 2002. № 6.
- Thun 1963 – *N. Thun*. Reduplicative words in English. Uppsala, 1963.
- Udoh 2007 – *I.I. Udoh*. Fortition and reduplication in Ilegbo ideophones // *Journal of African languages and linguistics*. 2007. № 28.
- Zarka 2005 – *D. el Zarka*. On the borderline of reduplication: Gemination and other consonant doubling in Arabic morphology // *B. Hurch, V. Mattes (eds.)*. Studies on reduplication. Berlin; New York, 2005.

Ф.Р. Минлос

Сведения об авторе:

Минлос Филипп Робертович
Институт славяноведения РАН
f.minlos@gmail.com